

Как видно из старых, советских названий этих архивохранилищ, в них собраны документы главным образом по политической истории нашей страны — как до-, так и послереволюционной. Львиную долю среди них составляют материалы по истории революционного движения в России, сосредоточенные в личных, общественных фондах, в фондах органов государственной власти, партийного руководства. На первый взгляд весьма неожиданное «окружение» для автографов Бунина — писателя, и притом «белоэмигранта». Но это только на *первый* взгляд.

Если вспомнить, во-первых, что Бунин не всегда был «белоэмигрантом»; во-вторых, что его родной брат Юлий Алексеевич состоял в организации революционеров-народников; наконец, в-третьих, что до революции писатель, по его собственному признанию, «тяготел» (не без посредничества М.Горького) к социал-демократии¹, то наличие бунинских материалов в ГАРФе и РГАСПИ уже не покажется таким «нечаянным» и непостижимым². Однако в том, что письма Бунина, о которых здесь идет речь, оказались именно в этих архивах, «вина» не писателя, а его адресатов, каковыми были: в одном случае — представитель революционного народничества, статистик, публицист Николай Григорьевич Кулябко-Корецкий (1846–1931), в другом — марксист, социал-демократ, редактор не слишком «благонадежного» литературно-политического журнала «Жизнь» Владимир Александрович Поссе (1864–1940).

С Н.Г. Кулябко-Корецким Бунин познакомился в начале 90-х годов XIX столетия в Полтаве. Кулябко-Корецкий входил в круг ближайших друзей и единомышленников брата писателя, Ю.А. Бунина, таких же, как он сам, революционеров-народников, политических ссыльных. В то время он заведовал Статистическим бюро Полтавской губернской земской управы. Бунин, принятый на службу в это учреждение в качестве библиотекаря, формально подчинялся Кулябко-Корецкому. В конце 1896 года

бывший главный полтавский статистик-земец переехал в Петербург. В 1897–1900 годах он служил секретарем Императорского Вольно-экономического общества и редактором его «Трудов». В событиях трех русских революций и Гражданской войны Кулябко-Корецкий — очевидно, в силу возраста — активного участия не принимал.

Имя Кулябко-Корецкого не раз встречается в бунинских письмах полтавского периода (1891–1895)³. Однако письма Бунина к самому Кулябко-Корецкому до сих пор не были известны. Очень может быть, что публикуемый ниже документ из личного фонда Кулябко-Корецкого в ГАРФе вообще является *единственным* посланием писателя к своему бывшему начальнику по Статистическому бюро в Полтаве.

Неменьший (если не больший) интерес — с точки зрения истории отечественной литературы — представляют бунинские письма к В.А. Поссе.

С редактором «Жизни» у Бунина было гораздо больше точек соприкосновения, чем с Кулябко-Корецким. Оба принадлежали, по существу, к одному поколению, занимались близкими видами деятельности, обладали в целом схожими взглядами на литературу и вообще симпатизировали друг другу.

Поссе был человек глубоко и разносторонне образованный и одаренный. В бытность студентом Петербургского университета он учился параллельно на двух факультетах — филологическом и юридическом. Несмотря на исключение из университета за принадлежность к революционному кружку, который был причастен к покушению на Александра III (1887), Поссе выдержал экзамен на степень кандидата прав. Впоследствии он всерьез увлекся медициной, занимался общественной деятельностью, журналистикой, был одним из идеологов и организаторов кооперативного движения в России. К событиям Первой русской, Февральской и Октябрьской революций Поссе отнесся с сочувствием; во время Первой мировой войны имел репутацию